

Митрополит Волоколамский Иларион: Церковь дает огромный простор и для личного, и для соборного творчества

В преддверии своей рабочей поездки в Грецию, намеченной на 9-10 апреля, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата дал эксклюзивное интервью греческой газете «Катимерини», которое было опубликовано в номере за 3 апреля.

– Великие религиозные произведения классической музыки, такие как «Страсти по Матфею» Баха, «Мессия» Генделя, являются неповторимыми шедеврами западной музыкальной традиции, которую венчает современный композитор Арво Пярт. Ваши произведения можно считать частью музыкальной традиции западного церковного искусства? Каким образом Вы как богослов объединяете Вашу традицию и западное искусство? Не идет ли речь о двух различных религиозных опытах?

– Жанр, в котором написаны упомянутые Вами произведения, свойственен преимущественно западной музыкальной традиции. Если говорить о русских светских композиторах, то на евангельские сюжеты они музыку не писали: все русские оперы и оратории писались либо на фольклорные, либо на романтические, либо на исторические сюжеты. В России до революции было четкое разделение на светскую и духовную музыку: светские композиторы за редчайшим исключением вообще не касались духовной тематики. Когда Чайковский написал свою «Литургию», церковные власти запретили исполнять ее в храмах: и не потому, что эта музыка была более светской, чем музыка других, менее талантливых композиторов, но потому, что в восприятии людей Чайковский ассоциировался именно со светским, нецерковным музыкальным искусством.

В наше время появилась возможность стереть искусственную границу между светским и духовным искусством. Когда у меня появилась мысль написать «Страсти по Матфею», то моим намерением было создать некий синтез, с одной стороны, баховской традиции, характерной для Запада, с другой – традиции русского церковного пения. То есть, идея заключалась в том, чтобы взять баховскую форму, традиционную для протестантской церкви трехсотлетней давности, и наполнить ее православным содержанием, которое составили богослужебные тексты Православной Церкви. Ведь в богослужении Православной Церкви есть нечто похожее на «Страсти» Баха: это совершаемая в канун Великой Пятницы служба Двенадцати Евангелий, когда читаются евангельские отрывки о Страстях Христовых вперемежку с речитативами чтеца и хоровыми

песнопениями. Однако мое сочинение предназначалось не для православного храма, а для концертного зала. Именно поэтому я использовал не только хор, но и струнный оркестр.

Западный религиозный опыт отличается от восточного, православного. Это отличие особенно остро ощущается в восприятии Страстей Христовых. Для западной традиции характерно эмоциональное их восприятие, что отразилось и в живописи, и в музыке Эпохи Возрождения. На западных изображениях Распятия Христос представлен страдающим, с открытыми, поднятыми к небу глазами. На православных иконах Распятия Спаситель изображен уже умершим: страдание, мучения, агония оставлены как бы «за кадром». Таково же и восприятие Страстей Христовых в литургических текстах Православной Церкви: они говорят о страданиях и смерти Спасителя, но при этом подчеркивают, что на кресте страдал Сам воплотившийся Бог, и Его страдание неотделимо от Его божественной славы, а смерть неотделима от Воскресения.

Жанр «Страстей» не предполагает чтение истории о Воскресении Христовом. И в моих «Страстях по Матфею» читается только евангельский рассказ о страданиях, смерти и погребении Христа. Но тема Воскресения является одним из лейтмотивов как в богослужебных текстах, легших в основу либретто сочинения, так и в музыке. В этой музыке есть лиризм и трагизм, но эмоциональное начало не является определяющим. Главным для меня было дать возможность слушателю пережить историю Страстей Христовых через призму их православного восприятия. Это музыкальное произведение написано *ad maiorem Dei gloriam*, и посвящено оно Тому, Кому я служу всю свою сознательную жизнь – Иисусу Христу как Богу и человеку.

– Имеет ли место в сегодняшней России тенденция к возрождению русской незападной церковной музыки XVI и XVII веков?

За последнее время в России возрос интерес к древнерусской церковной традиции. Это касается как храмостроительства и иконописи, так и богослужебного пения. Некоторые монастыри и приходские храмы перешли от «партесного» (то есть разделенного на партии-голоса) пения, перешедшего к нам с Запада в XVIII-XIX столетиях, к традиционному для Руси одnogолосному знаменному распеву. Как и византийская духовная музыка, знаменное пение способствует молитве и учит молитве, потому что знаменный распев вырос из опыта молитвы. Музыкальный же язык «партесных» произведений является светским, даже когда эти произведения назначены для духовного употребления.

– Есть ли сегодня в Церкви искусство, которое не являлось бы плодом личного вдохновения, но свидетельством евхаристического общения? Насколько это возможно в эпоху отсутствия прихода-общины?

– Жизнь православного христианина строится вокруг Евхаристии, которая является центром всей церковной жизни и оживотворяющим источником для всех творческих сил и устремлений человека. Индивидуализм и обмирщение современного общества не обошло стороной и церковную общину, существенно снизив долю общинного коллективного творчества. Несмотря на это, церковная община продолжает жить и творить, черпая свои силы и вдохновение в церковной традиции и таинственной жизни Церкви. Я не согласен с тем, что в сегодняшней церковной жизни отсутствует понятие прихода-общины. Возрождению Русской Церкви в конце двадцатого века способствовало то, что прихожане, объединенные в православные общины под руководством священника, сообща возводили новые храмы, благоукрашали их, устраивали церковную жизнь, открывали воскресные школы для детей.

Церковь дает огромный простор и для личного, и для соборного творчества. Церковный человек – это тот, кто вкладывает свой творческий потенциал в общецерковное дело. И Церковь в наши дни обладает выдающимися образцами соборного творчества. Достаточно сказать о том расцвете иконописного искусства, которым ознаменовано возрождение Русской Церкви. Сегодня не только отдельные иконописцы, но и целые бригады их трудятся над росписью храмов, а в иконописных школах и мастерских сотни и тысячи молодых людей постигают премудрость христианского изобразительного искусства. Все это было бы невозможно без напряженной общинной жизни, в том числе в контексте Евхаристии.

– Как председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Вы верите в то, что единство Поместных Православных Церквей существует не призрачно, но в действительности?

– Я не только верю в единство Церкви, но и в действительности переживаю это единство в ее евхаристической жизни. Я часто общаюсь и сослужу с представителями других Поместных Православных Церквей. И всякий раз, участвуя в таких богослужениях, ощущаю радость от того, что все мы, такие разные, единомысленно исповедуем одну и ту же православную веру, причащаемся от одной чаши, и что братская любовь между нами – это не пустой звук, а живая реальность.

Несколько дней назад я принял участие в хиротонии нового митрополита Вселенского Патриархата, состоявшейся в Константинополе. С новорукоположенным Владыкой Элпидофором я знаком давно – с тех пор, как оба мы были студентами, он в Германии, а я в Англии. Хиротонию возглавлял Вселенский Патриарх, а участвовали в ней и присутствовали иерархи многих Поместных Церквей, включая Блаженнейшего архиепископа Афинского Иеронима. Такие события переживаются как общецерковные, даже если они имеют отношение прежде всего к одной Поместной Церкви.

Святейший Патриарх Кирилл в Неделю Торжества Православия, обращаясь к представителям Поместных Православных Церквей, находящимся в Москве, сказал о том, что юрисдикционные границы между Церквами не касаются сущности Православной Церкви, которая поверх этих границ остается Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью. И я верю в то, что, несмотря на существующие между отдельными Поместными Церквами разногласия, обусловленные различными перипетиями нашей истории, во всех существенных вопросах, касающихся нашей веры и нравственности, мы остаемся едиными. А это – залог нашей способности вместе трудиться для блага Православной Церкви.

И я верю в то, что не за горами тот Всеправославный Собор, подготовка к которому продолжается уже полвека.

– В первые века Церкви вместе с институтом Пентархии епископы пяти городов воплощали собой пять богословских течений, или школ. А в наше время, что именно воплощают национальные Патриархаты в жизни Церкви?

– Я не хотел бы сейчас подробно касаться теории так называемой «пентархии». Эта теория имела светское происхождение и, как и все подобные церковно-политические теории, никогда не касалась сердцевины православной веры (точно так же, как теория «Третьего Рима», в свое время имевшая популярность на Руси, не имеет для нас какого-либо значения в настоящем). Вопрос о самом факте существования понятия «пентархии» и его историческом характере требует уточнений и не может быть изложен в рамках одного интервью. Также ничего не слышал о том, чтобы в первые века существования Церкви было именно пять богословских школ: чаще говорят о двух – александрийской и антиохийской. Но и это разграничение между школами по географическому или национальному принципам весьма условно.

Как православные, мы все в определенном смысле говорим на одном языке, мыслим одними понятийными категориями. Современники преподобного Антония Великого вспоминали, что он был человеком неученым и мог говорить только на коптском языке. Между тем, за советом к нему приходили и грекоязычные верующие (в Александрии того времени греческий был языком культуры и образования). В таких случаях Антоний говорил по-коптски, а стоявший рядом с ним монах переводил на греческий. При этом греки слушали святого, затаив дыхание. И не потому, что перевод был таким хорошим, а потому что перед ними был пример подлинной святости и действия Святого Духа в человеке.

Каждая Поместная Церковь – это историческое воплощение святости. Это Собор прославленных ею святых, это ее храмы, монастыри, собственная история благочестия. Такое историческое

воплощение неизбежно носит национальный характер. Но богословие и богосозерцание – это наша общая ценность: я не думаю, что оно является достоянием той или иной национальной среды. Так было в древности, так остается и сейчас.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/55786/>